

Культура. - 1991. - 28 дек. - С. 11

КАК ТАМ ДЖАНСУГ КАХИДЗЕ?

Ну в первую очередь он там, где ему и надлежит быть. Тбилиси, проспект Руставели. Театр оперы и балета имени З. Палиашвили, седьмой этаж, кабинет художественного руководителя и главного дирижера. Десять утра. Джансуг Иванович — за своим столом с карандашом в руках над расписанием репетиций и спектаклей.

— Интервью сможете показать сегодня вечером, в антракте? Я — дирижирую.

Вечером встречаю его у выхода со сцены. Воротничок белоснежной накрахмаленной сорочки упирается в упрямо вздернутый подбородок.

— Устали!

— Мне не положено.

Я и сама понимаю, что вопрос не по адресу. Он и вправду, кажется, вообще никогда не устает, этот невероятный человек, какой-то одушевленный сгусток энергии. Небольшой, коренастый и вместе с тем артистично легкий, с орлиной посадкой седой головы и крупными, словно бы отдельно существующими кистями рук. Такой вот дирижерский инструментарий.

Некогда один из лучших грузинских композиторов, неоднократно исполняемых Кахидзе,

к тому же — записной тбилисский шутник, сочинил и такой сюжет: чтобы энергия Джано нашла еще более полное себе применение, надо поднять его на фуникулере. Пусть дирижирует всем городом.

...Эти тбилисские шутки, бесконечные, теплые и пряные. Какое сейчас для них время? Может, перевелись или ушли в подполье? Город заметно помрачнел, как, впрочем, и все другие. Одинокая, хрупкая муза-статуя у стеклянного аквариума филармонии глядит гордо и немного растерянно...

А Джансуг Кахидзе дирижирует, читает партитуры, работает с солистами и оркестрами. Их у него, как и раньше, — два, в обоих он — худрук и главный дирижер: в театре и в Национальном симфоническом оркестре Грузии. Хотела было спросить: поет ли он сейчас? Хоть и редкий грузин не поет, а тут случай особый. Ибо Кахидзе поет изумительно, и голос его наверняка знаком всем, кто хорошо знает грузинское кино.

Ну и как же он там, грузинский дирижер с европейским именем?

— Знаете, по-моему, именно сейчас, как никогда, художнику надлежит заниматься сво-

им прямым делом — творчеством. Ибо чем еще другим он может быть столь же полезен? Искусство менее всего создано для катаклизмов и борьбы, но именно эпохи общественных катаклизмов более всего испытывают искусство. Поменьше бы таких испытаний.

В свое время Сергей Рахманинов, покидая революционную Россию, говорил: «Боюсь, что здесь никто в ближайшие 30 лет не будет серьезно интересоваться музыкой». Что ж. Это тоже способ защитить се-

Сохранить равновесие

бя для творчества, защитить музыку в себе. Я продолжаю работать там, где живу и дышу. У меня такой путь. Сегодня творческие люди должны в прямом смысле спасать искусство. Должны изо всех сил пытаться сохранить все его уголки, ответвления, краски, жанры...

Грузия встала на путь восстановления исторической государственности и независимости. На таком трудном пути неизбежны социальные напряжения, конфликты, ошибки. Кто же, как не художники, обязаны в эти дни сохранять душевное равновесие и работать, работать — только бы не прервалась духовная нить. Да надо же дать людям и минуты высокого наслаждения, и отдыха, наконец!

Я продолжаю делать то, к чему в этой жизни предназначен: изучать партитуры, приходить ежедневно на репетиции и вставать за дирижерский пульт. А существовать иначе я просто не могу и не хочу. Вот я и буду продолжать выходить к слушателю при любых условиях — даже если зал будет полупустым.

Н. КАМИНСКАЯ.
МОСКВА — ТБИЛИСИ.

Р. С. Это интервью Джансуг Кахидзе дал мне в другое время. Тогда на расстоянии нескольких зданий от Оперы, в Доме правительства шла сессия Верховного Совета. Из телетрансляции мы слышали, как любое трезвое слово о реальном положении в Грузии гасилось Президентом и его помощниками. Во всем виноваты враги из оппозиции — вот был их постоянный, на все случаи жизни аргумент. Город будто погрузился в тягостное затишье. А от коренных тбилисцев все чаще слышала короткие сухие проклятия.

События 2 сентября, разгон мирной демонстрации и первая попытка противостояния диктатуре перевернули сознание многих. К сожалению, гражданская зрелость приходит поздно и в тяжких испытаниях, которых могло бы не быть.

Говорили ли мы об этом с Кахидзе? Конечно... Дирижер упрямо сжимал губы и настойчиво формулировал свою позицию. Она — над схваткой. Прав ли он? Нет? Не спешите судить.

И вот в двух шагах от Оперы гремят выстрелы, вершится история. Там — свои дирижеры. Но кто-то ведь должен отвечать и за музыку, и за надежду.